

right-wing press, 2) “moderate” journalism perceiving the poet in “cheap popular” light, 3) left-wing press welcoming the Soviet Union and the Soviet poet. The article is aimed at determining the overall “tone” of the foreign press writing about Mayakovsky. The cultural, historical and comparative analysis in notes and columns of foreign newspapers and magazines dedicated to Mayakovsky’s life, works and suicide, occupies an important place in the presented study. It is noted that this kind of sensational and conflicting notes distorting the real facts appeared on the pages in both the left-wing and right-wing press and can be considered as a demonstration of outrageously superficial international perception of Mayakovsky’s life and work.

Keywords: Mayakovsky; futurism; KomFut poet; public appearance; foreign press; undisguised exasperation; evident delight; Bolshevik ideas; cheap popular; suicide; unverified facts.

About the author: Olga Mikhailovna Kultysheva, Doctor of Philology, Associate Professor at the Department of Philology and Mass Communications.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 82.0

М.А.Лагода
Кемерово, Россия

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Предметом исследования в работе является интертекстуальность литературного произведения как один из аспектов события чтения. Цель настоящей статьи — наметить методологические ориентиры, позволяющие адекватно поставить вопрос о роли «межтекстовых» связей в акте интерпретации. В работе предпринята попытка типологизации существующих подходов к обозначенной проблеме. Методологические «полюса» обнаруживаются уже в самом происхождении термина «интертекстуальность», предложенного Ю.Кристовой в 1967 г. и явившегося результатом интерпретации идей М.М.Бахтина о диалоге. Поэтому значительное внимание в статье уделяется соотношению понятий «интертекстуальность» и «диалог», прояснению смысла осуществленной в работе Ю.Кристовой замены одного концепта другим. Предпринята попытка истолкования этих понятий в контекстах трудов названных исследователей, в трудах Р.Барта, а также в работах некоторых комментаторов этих трудов. Проводится сопоставительный анализ концепций «чужого» слова у М.М.Бахтина и Ю.Кристовой. В результате сопоставления обнаружено, что концепт «интертекстуальность» оказывается «переводом» понятия «диалог» на «язык» принципиально иной методологии.

Обращение к «историческому эпизоду» возникновения понятия «интертекстуальность» позволяет выявить существующий диапазон расхождения трактовок в понимании феномена «межтекстовых» связей. Один из пределов понимания связан с представлением о лингвистической природе художественного текста и предполагает практику «открытого» чтения, акцент на внешних связях и «дешифровке» цитат. Другой предел — диалогическая, личностная природа литературного произведения — делает акцент на ценностно-смысловой целостности «многоголосого» художественного высказывания и позволяет поставить вопрос об интертекстуальности как аспекте понимания уникального, но обусловленного жизненным и культурным контекстом художественного целого.

Ключевые слова: интертекстуальность; интерпретация; диалог; событие чтения; М.М.Бахтин; Ю.Кристева; Р.Барт.

Сведения об авторе: Лагода Мария Александровна, ассистент кафедры теории литературы и истории зарубежных литератур.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650903, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6, тел. 3842582745, e-mail: lagoda.05@mail.ru

---

Интертекстуальность в современных исследованиях рассматривается как текстовая или как эстетическая категория: как «свойство» текстов (причем не только художественных) указывать на другие тексты, как «устройство», с помощью которого один текст перезаписывает другой

текст» [18. С. 48], как «принцип текстопостроения» (В.А.Миловидов) или принцип «порождения» (И.П.Смирнов) высказывания, как «средство» анализа литературного текста или описания специфики существования литературы (курсив в цитатах наш. — М.Л.)» [12. С. 206] и др.

«Ракурсы» исследования интертекстуальности многообразны. Нас в данной статье интересует *интертекстуальность* художественного литературного произведения как *один из аспектов события чтения*, один из аспектов читательского понимания. Речь идет о связях текста литературного произведения с другими (прежде всего словесно-художественными, но не только) высказываниями, об отсылках к другим текстам, которые обнаруживает читатель и которые влияют на *истолкование* им *смысла «отсылающего» произведения*. Какова роль межтекстовых связей в акте интерпретации? Как решается вопрос о позиции читателя как толкователя интертекста? И.П.Ильин отмечает, что «конкретное содержание термина [интертекстуальность] существенно видоизменяется в зависимости от теоретических и философских предпосылок, которыми руководствуется в своих исследованиях каждый ученый» [12. С. 207]. Предлагаемая работа — это попытка не столько обзора (разумеется, не претендующего на полноту), сколько *типологизации* существующих *подходов* к обозначенной проблеме, *выявления методологических «полюсов»* и самоопределения в этом поле методологических установок.

Как известно, термины «интертекстуальность» и «интертекст» введены в научный обиход Ю.Кристовой в 1967 г. Они оказались чрезвычайно популярными и востребованными (если не сказать, модными) в контексте культуры последней трети XX — начала XXI в. Причем необходимость введения этих понятий во многих работах связывается со спецификой современного литературного процесса и особенностями современного гуманитарного мышления в целом.

Можно уверенно говорить о междисциплинарном, философско-филологическом характере этих понятий. Философский размах понятие интертекстуальности получает, например, в работах Ю.Кристовой и Р.Барта, где оно является одним из центральных в концепции, характеризующей не только специфику художественного литературного текста, но и «внутритекстовое» положение человека, его сознания и самосознания в пространстве культуры, в мире текстовой реальности, куда включена и литература. В то же время понятие интертекстуальности очень активно используется в искусствоведческих, семиотических и в собственно филологических исследованиях. Оно актуализируется в лингвистических штудиях, например, в работах по лингвистике текста, лингвистике декодирования и лингвисти-

листике (Р.-А. де Богранд, В.У.Дресслер, Н.А.Фатеева, И.В.Арнольд, И.П.Ильин, И.Р.Гальперин и др.), а также является актуальным литературоведческим понятием, понятием теории литературы (Л.Женни, Ж.Женетт, М.Риффатер, Н.Пьеге-Гро, И.П.Смирнов, А.Жолковский, М.Ямпольский, В.А.Миловидов, О.В.Зырянов и мн. др.). Причем некоторые теоретические исследования посвящены «интертекстологии как возможному разделу поэтики, возникающему на наших глазах» (Г.К.Косиков о книге Н.Пьеге-Гро). Кроме того, существует почти необозримое множество работ, посвященных проблеме «текста в (о) тексте», выявлению литературных «источников», поискам аллюзий и реминисценций в произведении, «интертекстам» конкретных произведений, обнаружению и осмыслению межтекстуальных связей в творчестве того или иного автора. Понятие интертекстуальности или феномен межтекстуального взаимодействия, таким образом, подвергается постоянному переосмыслению, оставаясь в центре научных дискуссий. Причем этот термин актуализируется не только в работах, написанных в постструктуралистском ключе (а именно в данной «парадигме» мышления это понятие возникает), но и в рамках структурно-семиотического подхода, а также в исследованиях, где основополагающей является экзистенциально-герменевтическая установка.

Соотнося различные трактовки понятия «интертекстуальность», можно обнаружить определенную зону схождения, если не всех, то, по крайней мере, большинства существующих определений. Своего рода «аксиомой» практически любого интертекстуального исследования является следующее положение: *всякий текст обусловлен контекстом культуры, поэтому всякий текст указывает на другие тексты, «является “реакцией” на предшествующие тексты»* [12. С. 207]. Во многих работах появляется уточнение, что эта «реакция» направлена не только на «претексты», но и на тексты современные, «окружающие», а также превосходит тексты будущие. Указанная «общность» (при широчайшем диапазоне возникающих в конкретных работах нюансов) закрепила определенную *опознаваемую* (и как бы самоочевидную, зачастую не требующую пояснений) *проблематику за понятием «интертекстуальность»* в научном обиходе. Однако нужно обратить внимание на то, что само это «общее» положение может основываться в современных исследованиях на принципиально разных методологических принципах

и, соответственно, по-разному трактоваться. От этих методологических установок зависит и понимание деятельности читателя «интертекста».

Разница этих установок обнаруживается уже в самом происхождении понятия «интертекстуальность», предложенного Ю.Кристовой и представляющего собой, как пишет А.Компаньон, «кальку с того, что Бахтин называл *диалогизмом*» [13. С. 130]. То есть «интертекстуальность» возникает как интерпретация «диалогизма», как переосмысление этого понятия. В ряде исследований затрагивается проблема соотношения «интертекстуальности» и «диалогизма»¹ (в некоторых работах парой соотносимых понятий оказываются «интертекстуальность» и «диалогичность» [см., напр.: 19]), однако мы полагаем, что говорить об исчерпанности этой проблемы нельзя. Прояснения, уточнения требует вопрос о том, что подразумевают интерпретаторы трудов М.М.Бахтина под понятием «диалогизм», почему важнейшему в системе идей русского ученого понятию *диалога* Ю.Кристева «предпочитает» термин «интертекстуальность», а также вопрос о философских предпосылках рассматриваемых концепций².

Вопреки цитированному выше высказыванию А.Компаньона следует сказать, что слово «диалогизм» не входит в систему бахтинских понятий, а возникает, по-видимому, в «околобахтинском» контексте, в работах о бахтинской «идеологии». Можно предположить, что, по аналогии с подобного рода терминами (идеализм, материализм и т.п.) под словом «диалогизм» интерпретаторы трудов М.М.Бахтина подразумевают комплекс идей ученого о диалоге, бахтинскую философию диалога. При этом, как представляется, само появление этого термина («диалогизм» вместо «диалог») свидетельствует о существенных трансформациях научной мысли М.М.Бахтина в работах, посвященных осмыслению и истолкованию его идей, начиная со статьи Ю.Кристовой «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967). «Диалогизм» — это как бы

«отформатированный» диалог, «переведенный» на «язык» другой методологии.

На наш взгляд, совершенно правомерно в некоторых работах указывалось на то, что бахтинское понятие диалога в кристовской концепции не просто трансформируется, но деформируется и сужается. Так, по выражению Г.К.Косикова, кристовское «осмысление и переосмысление бахтинского “диалогизма” можно обозначить как переход от интересубъективности к интертекстуальности» [15. С. 9]. Об этом же пишет С.Н.Бройтман: «Но то, что с легкой руки Ю.Кристовой принято называть интертекстуальностью, плод некорректной интерпретации того, что сам Бахтин называл межсубъектными отношениями и считал более первичными, чем отношения *текст—текст*» [9. С. 299].

Остановимся несколько подробнее на соотношении понятий «диалог» и «интертекстуальность», говоря об актуальном и для М.М.Бахтина, и для Ю.Кристовой вопросе: о позиции читателя, выявляющего межтекстовые связи (или «чужое» слово, «голос» другого) в литературно-художественном «высказывании» и стоящего перед проблемой интерпретации произведения с учетом обнаруженных отсылок.

Диалог, по Бахтину, — фундаментальный принцип, определяющий суть человеческого бытия, языка и культуры. В своей ранней философской работе он пишет: «Единство целого обуславливают <?> единственные и ни в чем не повторимые роли всех участников. *Множество неповторимо ценных личных миров* разрушило бы бытие, как содержательно определенное, готовое и застывшее, но оно именно впервые *создает единое событие* (курсив наш. — М.Л.)» [4. Т. 1. С. 43]. Понятно, что диалог рассматривается в работах Бахтина широко, не только как одна из речевых форм, но как «всякое речевое общение, какого бы типа оно ни было» [10. С. 429]. Диалог для ученого — преимущественно феномен «языка-речи» (а не абстракции языка как предмета лингвистики). Единицей диалогического взаимодействия является, по его мнению, высказывание. Высказывание как единицу «металингвистики», как «реальную единицу речевого общения» М.М.Бахтин противопоставляет слову, предложению и другим «крупным» единицам лингвистики. При этом ученый делает очень характерное уточнение: «реальной единицей языка-речи <...> является не изолированное единичное монологическое высказывание, а взаимодействие, по

¹ См. об этом, например: 1; 18 (параграф «Бахтин и диалогизм» в главе «Происхождение интертекстуальности, ее история и истоки»); 14; 15.

² Неубедительным представляется нам вывод Г.К.Косикова о существенной общности философских предпосылок, лежащих в основе работ М.М.Бахтина и Ю.Кристовой и представляющих собой, как пишет исследователь, различные варианты «философии множественности» [см.: 15. С. 18—26].

крайней мере, двух высказываний, т.е. диалог» [10. С. 446]. Высказывание связано не только с контекстом языка (как лингвистические единицы), но и с контекстом жизненным, именно через него получая *индивидуальный и неповторимый смысл*. Границы высказывания определяются его смысловой завершенностью, возможностью ответа на это смысловое целое. Художественное произведение понимается в трудах М.М.Бахтина именно как высказывание, являющееся «репликой» в диалоге культуры и в свою очередь предполагающее активное ответное отношение к себе, «активно-ответное понимание».

Как указывают исследователи, теория интертекстуальности Ю.Кристева восходит к бахтинской концепции «чужого» слова. Речь идет, прежде всего, о работе «Марксизм и философия языка», где М.М.Бахтин говорит о двойной ориентации слова (высказывания) — на предмет (тему) и на «чужое» слово. Как пишет С.Н.Бройтман, диалог характеризуется им как «классический случай *противостояния* контекстов», как их «разнонаправленность», наличие двух *взаимно сталкивающихся* контекстов», напряженное и непрерывное *взаимодействие* контекстов и *борьба* контекстов, «многоакцентность слова», изменение ценностного акцента слова в разных контекстах», «реагирование слова на слово» [7. С. 153—154]. В указанные диалогические отношения вступают и художественные произведения, о чем более развернуто М.М.Бахтин пишет в своих поздних работах. Произведение, будучи «звеном в цепи речевого общения», «связано с другими произведениями-высказываниями — и с теми, на которые оно отвечает, и с теми, которые на него отвечают; в то же время, подобно реплике диалога, оно отделено от них абсолютными границами смены речевых субъектов», отмечено «печатью индивидуальности» [5. С. 177—178]. Таким образом, с точки зрения М.М.Бахтина, указание на другой текст, «чужое» слово в художественном высказывании — это всегда *художественная интерпретация, прочтение*, «освоение» автором «чужого» высказывания («опыт самопознания в опыте другого» [21. С. 184]). В «формах передачи чужой речи» отображается «активное восприятие» автором слова другого, «ответ» на это слово, «его понимание и оценка, т.е. активная ориентация говорящего» [10. С. 446—448]. Само слово «ориентация» в этом контексте предполагает наличие определенной *траектории* и четких *границ* высказывания, т.е.

свидетельствует о *целенаправленности* акта «говорения». Таким образом, при изучении «реальной единицы речевого общения» (в том числе и художественного произведения) одним из аспектов исследования, по мнению ученого, становится «*многоголосие*» высказывания, которое, однако, должно быть осмыслено с учетом его *целостности, единства*. Читатель литературно-художественного целого *подключается к диалогу* произведений-высказываний (т.е. «активно ориентированных» позиций «говорящих» (авторов)), исходя из *контекста и ценностно-смысловой целостности* того художественного произведения, которое он *интерпретирует*. Как указывает, ориентируясь на бахтинскую традицию научной мысли, Л.Ю.Фуксон, «*интертекстуальные* или *диалогические* (в узком смысле)» связи «опосредованы **внутренними** связями, “овнутренены”, преломлены в фокусе данного художественного целого», «диалог текста с другим текстом является существенным моментом его “внутреннего” содержания» [20. С. 56, 58]. Здесь нужно отметить еще один важный момент концепции М.М.Бахтина, который особо подчеркивается в работах Х.Р.Яусса, С.Н.Бройтмана, Л.Ю.Фуксона: с понятием диалога у М.М.Бахтина соотносится понятие «участного» сознания, противопоставляемое «теоретическому» мышлению. Диалог связан «не с логическими отношениями, а с живым и неповторимым противостоянием “цельных личностей”» [7. С. 157]. Таким образом, авторство и чтение, по М.М.Бахтину, — это «активно-ответная», *диалогическая*, т.е. *интерсубъективная, акция*. Понимание литературного произведения предполагает «участность» читателя в *событии*, сущностно *затрагивающем* и *захватывающем* его самого. Отметим, что слово «событие» в контексте работ ученого связано именно с диалогической «участностью» (или со-«участностью», *со-бытием*). Причем чтение, по М.М.Бахтину, — это одна из составляющих «событийной полноты» литературного произведения, одна из сторон произведения как «сложного события» [3. С. 404]. Обнаружение и осмысление интертекстуальных или диалогических (в узком смысле) связей в рамках данного подхода — это один из аспектов *события чтения*.

Ю.Кристева, размышляя о понимании природы слова и языка в работах М.М.Бахтина, цитирует слова ученого: «Слово по своей природе диалогично», «диалогическое общение и есть

подлинная сфера *жизни* языка», «логические и предметно-смысловые отношения, чтобы стать диалогическими, должны воплотиться, т.е. должны войти в другую сферу бытия», обрести автора, «стать словом, т.е. высказыванием». Однако исследовательница интерпретирует эти положения М.М.Бахтина в контексте традиционной лингвистической и семиотической дихотомии: «язык» — «речь», «код» — «сообщение», допуская сужение, «семиотизацию» бахтинского диалога¹. Значимое для М.М.Бахтина противопоставление «металингвистических» и собственно лингвистических единиц Ю.Кристева оставляет практически без внимания. Так, она пишет: «Понять статус слова значит понять способы сочленения этого слова (как семического комплекса) с другими словами предложения, а затем выявить те же самые функции (отношения) на уровне более крупных синтагматических единиц» [16. С. 215].

Задачи, которые ставит перед «литературной семиологией» Ю.Кристева, связаны с выработкой некой *общей «модели»*, «изоморфной логики производства поэтического смысла». Соответственно, конкретный текст понимается как частный случай реализации «общей модели», а за слуга М.М.Бахтина видится в «динамизации структурализма»: «Бахтин одним из первых взамен статического членения текстов предложил такую модель, в которой литературная структура не *наличествует*, но *вырабатывается* по отношению к другой структуре» [16. С. 213—214].

Ю.Кристева затрагивает вопрос о жизненном контексте высказывания, через который оно, по Бахтину, получает смысл, но этот контекст понимается как «текст», «прочитываемый» и «переписываемый» писателем: «Бахтин, — пишет исследовательница, — <...> включает текст в жизнь истории и общества, в свою очередь *рассматриваемых в качестве текстов*, которые писатель читает и, переписывая их, к ним подключается (курсив наш. — М.Л.)» [16. С. 214]. В качестве подвижных «текстов» («дискурсов») рассматриваются здесь и сознание автора, и читателя. Читатель («получатель» у Ю.Кристевой)

¹ Нужно отметить, что такого рода «семиотизация» бахтинского «языка» — вообще очень характерное явление в современной науке, в том числе и в отечественном литературоведении [см., напр.: 11]. Об отмеченной тенденции в трактовке работ М.М.Бахтина пишет в примечаниях к своей статье С.Н.Бройтман: «Наиболее распространен “перевод” мыслителя на язык структурно-семиотической школы» [8. С. 58].

является, наряду с «субъектом письма» и «внеположными им текстами», одним из «измерений текстового пространства». Таким образом, если в контексте бахтинских идей значимо представление о взаимодействии высказываний как *межличностном* диалоге, а потому и о *границе* высказываний-«голосов», т.е. об их *целостности* и о *событийности восприятия «чужого» слова*, то Ю.Кристева делает акцент на *множественности «языков»*, «голосов», «*текстуальных плоскостей*» высказывания, на *открытости* слова и текста. В кристевской интерпретации идей М.М.Бахтина позиции участников диалога *теряют автономию*, оказываясь полем игры коллективного бессознательного, *границы* между разными «текстами» *размываются в «интертексте»*: «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст — это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум *двойному прочтению*» [16. С. 215].

Обращение к существующим комментариям процитированного выше фрагмента работы Ю.Кристевой помогает прояснить вопрос о значении и причинах осуществленной «перестановки» («на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности»). Причем многие из этих комментариев написаны в ключе (или отмечены печатью) семиотической научной логики, а потому ориентированы на расшифровку и внятное проговаривание, прежде всего, позиции Ю.Кристевой. Так, Н.Пьеге-Гро², комментируя слова М.М.Бахтина о невозможности существования «девственного слова», не отмеченного печатью уже-оговоренности, пишет, что русским ученым «под вопрос ставится единообразие и однородность высказывания», делается акцент на «*расщеплении однородности каждого* из высказываний (в любое высказывание вложена чужая смысловая направленность)» [18. С. 66]. Таким образом, кристевское объявление «недействительным» понятия интерсубъективности и «предпочтение» термина «интертекстуальность» закономерно связано, как полагает Н.Пьеге-Гро, с тем, что «слово не принадлежит исключительно тому субъекту, который его употребляет, но отмечено чужим словом», а «текст представляет собою

² Отметим, что труд Н.Пьеге-Гро не принадлежит «парадигме» постструктурализма.

место, где происходит расщепление и раздробление субъекта» [18. С. 69]. В этих комментариях, как и в названной выше статье Ю.Кристева, обращает на себя внимание заострение *только одной стороны* рассмотренной М.М.Бахтиным проблемы: *подчеркивание «разнородности»* высказывания, конституирующей роли «чужого» слова, «чужой смысловой направленности» в формировании высказывания и, соответственно, размывания его границ. Целостность, завершенность, замкнутость высказывания, конституирующая роль *своей* «смысловой направленности» объявляются невозможными. Не учтенным, не «замеченным» оказывается принципиальное для М.М.Бахтина противопоставление высказывания как единицы «языка-речи» традиционным лингвистическим единицам, полученным путем абстрагирования. Тем самым диалог, интерсубъективность «формализуются», подменяются «логическими отношениями» (С.Н.Бройтман), интертекстуальностью.

По Ю.Кристева, именно читателем («получателем») «конституируется» повествование как «диалогическая матрица». Однако, как отмечает в своей статье И.П.Ильин, «концепция интертекстуальности тесно связана с теоретической “смертью субъекта”», причем «в конечном счете и “смертью” читателя, “неизбежно цитатное” сознание которого столь же нестабильно и неопределенно, как безнадежны поиски источников цитат, составляющих его сознание» [12. С. 206]. Таким образом, если для М.М.Бахтина почва интерпретации произведения и межтекстовых связей — *персонализация*, то Ю.Кристева подчеркивает *имперсональный характер* интертекстуальной игры.

Работа Ю.Кристева «Бахтин, слово, диалог и роман», так же как и работы Р.Барта 70-х гг. (особенно эссе «S/Z»), расцениваются в современных исследованиях и справочных статьях как манифесты постструктурализма. Понятия «интертекстуальность» и «интертекст» у Ю.Кристева, как и впоследствии у Р.Барта, обозначают, по-видимому, два взаимосвязанных феномена: речь идет, во-первых, о Тексте (интертексте) или «тексте-письме» как о зоне продуктивности, бесконечного процесса текстовой динамики, откуда черпает художник «цитаты», причем, по большей части, бессознательно, а во-вторых, об «интертексте-объекте» как завершенном «произведении», о «тексте-чтении». Таким образом, у каждого «произведения» есть свой Текст (по Р.Барту, «зона свободы»/«стереофония идеоло-

гических стереотипов») как «бессознательная (пра)память культуры», которая «обладает бесконечным смысловым избытком по отношению к памяти произведения» [15. С. 35]. Задача читателя — «прорваться» на уровень «текста-письма», что связано с практикой «диссеминации, рассеивания, распускания» смысловых нитей. Очевидно, что так понятая интертекстуальность (хаос культурного бессознательного, порождающий «произведение» как законченный моносемичный или «ограниченно множественный» (Р.Барт) продукт) и такое чтение (Текста) не могут быть объектом научного исследования. «Такое “прочтение” Текста, — как пишет Г.К.Косиков, — не может быть ничем иным, как более или менее произвольным читательским актом...» [15. С. 37]. Как пишет Р.Барт в своем эссе «S/Z» (в главе «Интерпретация»), «интерпретировать текст вовсе не значит наделять его неким конкретным смыслом (относительно правомерным или относительно произвольным), но, напротив, понять его как воплощенную множественность» [2. С. 48]. Субъективность читателя здесь ничем не ограничивается и не регулируется. Его сознанию предстоит не произведение как неповторимое высказывание, а произведение — «вещь», вторичный «продукт» Текста (интертекста). Причем текст самого произведения («текст-чтение») оказывается, по выражению Б.М.Гаспарова, не предметом исследования, а «отправным пунктом».

Нужно отметить, что в большинстве последующих теорий интертекстуальности (у Л.Женни, Ж.Женнета и у позднейших исследователей) содержание понятия «интертекстуальность» сужается, связывается с «интертекстом-объектом», «с текстом-чтением» как более «уловимым» предметом исследования.

Возвращаясь к проблеме соотношения «интертекстуальности» и «диалога» в современном научном контексте, нужно сказать, что эти понятия пересекающиеся, но не совпадающие по объему. Так, *бахтинское понятие диалога* охватывает гораздо более широкий круг явлений, чем феномен «цитации» «чужого» слова в том или ином тексте, являясь, на наш взгляд, вполне *метафилологическим* понятием¹. За термином

¹ Подробнее о категории диалога у М.М.Бахтина см. указанную работу С.Н.Бройтмана «Диалог» и «монолог» — становление категорий (от «К философии поступка» к «Марксизму и философии языка»), а также продолжение этого исследования: [8].

«интертекстуальность» закрепились, по-видимому, более узкая проблематика, связанная с одним из аспектов диалога. Вероятно, именно это несовпадение объема понятий является условием их взаимной актуальности в современной науке. Хотя нужно отметить, что многие исследователи стремятся к тому, чтобы «отмежеваться» от термина «интертекстуальность»¹. Совершенно очевидно, также, что термин «интертекстуальность» своей «безличностью» абсолютно чужд бахтинскому «тезаурусу», так как во взаимодействии, по мысли ученого, вступают не тексты, а воплощенные в них позиции «цельных личностей», «голоса», актуализируемые «участным» сознанием читателя.

Попытаемся обобщить вышесказанное и обозначить диапазон расхождения трактовок в понимании феномена межтекстовых связей. Один из пределов понимания — *диалогическая, личностная природа* художественного литературного произведения как высказывания, укорененность всякого текста в традиции. Всякое высказывание рассматривается как уникальное и неповторимое смысловое целое, которое вступает в диалог с другими высказываниями, с традицией как живым «голосом» культуры, «откликающемся» в тексте (Г.-Г.Гадамер, М.М.Бахтин, П.Рикер). Интертекстуальность здесь может быть понята как *встреча сознаний, «голосов», смысловых позиций*, т.е. как *событие диалога*, в котором участвует читатель.

Другой предел вызван к жизни «крайностями» структурно-семиотического подхода (в их постструктуралистском и деконструктивистском воплощении) и связан с представлением о *лингвистической, материально-вещественной природе межтекстовых взаимодействий*, о соприутствии и пересечении текстов в пространстве культуры как кодифицирующей системы, «игры письма». Всякий текст рассматривается здесь как один из продуктов «языка» культуры (единого «интертекста»). Новизна всякого текста — *комбинаторика «старых» кодов*. Интертекстуальность — взаимодействие «между внеположными индивиду, безличными — сверхсубъектными и досубъектными — словесно-идеологическими инстанциями (текстами и дискурса-

¹ Примеры такого стремления многочисленны. Один из них — замечательная монография Б.М.Гаспарова «Литературные лейтмотивы», где понятие «интертекст» появляется только в заключении как предмет критической рефлексии автора.

ми)» [15. С. 15], пересекающимися в тексте (Ю.Кристева, Р.Барт, Ж.Деррида, П. де Ман, Л.Перрон-Муазес и др.). В рамках данной «парадигмы» предполагается практика «открытого» чтения, акцентирующегося не на целостности и внутренних, «системных» связях текста, а на «переключках» с другими текстами, на опознании, «дешифровке» и «разоблачении» идеологических стереотипов, «кодов» — цитат и т.п. Такого рода чтение соотносится с практикой комментирования, дробящего целое, т.е. пояснения «порознь» отдельных фрагментов текста, что и демонстрирует Р.Барт в своей работе «S/Z». Допускается произвольность читательской интерпретации, чтение рассматривается не как собиранье-стягивание, а как рассеивание смысла².

На наш взгляд, все существующие литературоведческие исследования интертекстуальности как проблемы чтения «укладываются» в указанный диапазон, занимают какую-либо позицию между обозначенными методологическими пределами. Первая трактовка феномена межтекстовых связей опирается на диалогическую концепцию человека и человеческой культуры, получившую обоснование в философии XX века (Э.Гуссерль, М.Шелер, М.Хайдеггер, Г.-Г.Гадамер, М.Бубер, М.М.Бахтин) и обусловившую актуальность философской герменевтики как «методологии гуманитарных наук» (Г.-Г.Гадамер, М.М.Бахтин, П.Рикер). Вторая трактовка может быть, по-видимому, охарактеризована как возврат (в рамках постструктурализма) к позитивистской в основе своей установке, предполагающей «исчерпанность» и объяснимость человека и культуры определенными «материальными» факторами и отвергающей «метафизические» проблемы (сознания, духа, смысла)³.

Поздние работы Ю.М.Лотмана, монография Б.М.Гаспарова «Литературные лейтмотивы», книга У.Эко «Роль читателя», работы П.Рикера и многие другие исследования свидетельствуют о том, что в конце прошлого столетия наметилось движение к интеграции герменевтического

² Очень характерную для представителей данного «полюса» трактовку проблемы истолкования мы находим также в работах Г.Блума, утверждающего, что смысл нужно искать не в произведениях, а в «тайных тропах» между ними [см.: 6].

³ Подчеркнем, что мы, конечно, не рассматриваем семиотические, а также лингвистические разработки в сфере интерпретации межтекстовых связей только как отрицательный (позитивистский) пример.

и семиотического подходов. Герменевтика, осмысляя «особость» объекта гуманитарного познания («выразительное и говорящее бытие» (М.М.Бахтин)), позволяет глубоко раскрыть понятие традиции, объяснить продуктивный и поступательный характер понимания литературного произведения, в котором «прошлые и

нынешние контексты судеб произведения и самого читателя активно взаимодействуют друг друга» [17. С. 223]. На наш взгляд, это именно та «почва», на которой должна решаться проблема интертекстуальности как одного из аспектов читательского понимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Проблема диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста). СПб., 1995.
2. Барт Р. S/Z. 3-е изд. М., 2009.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. Бахтин М.М. К философии поступка // Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003.
5. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. Т. 5. Работы 1940—1960-х годов. М., 1997.
6. Блум Г. Страх влияния: Теория поэзии (главы из книги) // Новое литературное обозрение. 1996. № 20.
7. Бройтман С.Н. «Диалог» и «монолог» — становление категорий (от «К философии поступка» к «Марксизму и философии языка») // Бахтинский тезаурус. М., 1997.
8. Бройтман С.Н. Диалог и монолог (от «Проблем творчества Достоевского» к поздним работам Бахтина) // Дискурс. 2003. № 11.
9. Бройтман С.Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М., 2008.
10. Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка // Бахтин М.М. (Под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000.
11. Иванов Вяч. Вс. Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Труды по знаковым системам. VIII. Тарту, 1973.
12. Ильин И.П. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М., 1999.
13. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. М., 2001.
14. Косиков Г.К. Ролан Барт — семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
15. Косиков Г.К. Текст/Интертекст/Интертекстология // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.
16. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М.Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. I. СПб., 2001.
17. Лавлинский С.П. Читатель у Бахтина // Филологический журнал. М., 2005. № 1.
18. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.
19. Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5.
20. Фуксон Л.Ю. Чтение: Учебное пособие. Кемерово, 2006.
21. Яусс Г.-Р. К проблеме диалогического понимания // Бахтинский сборник. Вып. 3. М., 1997.

REFERENCES

1. Arnol'd I.V. Problema dialogizma, intertekstual'nosti i germeneyvtiki (v interpretacii hudozhestvennogo teksta) [The problem of dialogism, intertextuality and hermeneutics (in the interpretation of a literary text)]. Saint-Petersburg, 1995 (in Russian).
2. Barthes R. S/Z. 3rd ed. Moscow, 2009 (in Russian).
3. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki [Issues of literature and aesthetics]. Moscow, 1975 (in Russian).
4. Bakhtin M.M. K philisophii postupka [On the philosophy of an act]. Moscow, 2003 (in Russian).
5. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. Moscow, 1997 (in Russian).
6. Blum G. Strah vlijaniija: Teorija poezzii (glavy iz knigi) [Fear of influence: theory of poetry (chapters from the book)] // Novoe literaturnoe obozrenie. 1996. № 20 (in Russian).

7. Broytman S.N. "Dialog" i "monolog" – stanovleniye kategoriy (ot "K filosofii postupka" k "Marksizmu i filosofii yazyka") ["Dialogue" and "monologue" – the formation of categories (from "On the philosophy of an act" to "Marxism and the philosophy of language")] // Bakhtinsky thesaurus. Moscow, 1997 (in Russian).
8. Brojtmán S.N. Dialog i monolog (ot "Problem tvorchestva Dostoevskogo" k pozdnim rabotam Bahtina) [Dialogue and monologue (from "Problems of Dostoevsky's Art" to Bakhtin's later works)] // Diskurs. 2003. № 11 (in Russian).
9. Broytman S.N. Poetika russkoy klassicheskoy i neklassicheskoy liriki [Poetics of Russian classical and non-classical poetry]. Moscow, 2008 (in Russian).
10. Voloshinov V.N. (Bakhtin M.M.). Marksizm i filosofiya yazyka [Marxism and the philosophy of language // Bakhtin M.M. (Behind the Mask). Freudianism. Formal method in literary criticism. Marxism and the philosophy of language. Articles. Moscow, 2000 (in Russian).
11. Ivanov V. V. Znachenie idej M.M.Bahtina o znake, vyskazyvanii i dialoge dlja sovremennoj semiotiki [Significance of M.M.Bakhtin's ideas of sign, utterance and dialogue for modern semiotics] // Trudy po znakovym sistemam. VIII. Tartu, 1973 (in Russian).
12. Ilyin I.P. Intertekstualnost' [Intertextuality] // Sovremennoye zarubezhnoye literturovedeniye (strany Zapadnoy Evropy i SShA): kosepty, shkoly, terminy. Encyclopedic Reference Guide. Moscow, 1999 (in Russian).
13. Kompanion A. Demon teorii. Literatura i zdraviy smysl [Theory demon. Literature and common sense]. Moscow, 2001 (in Russian).
14. Kosikov G.K. Rolan Bart — semiolog, literaturoved [Roland Barthes — a semiologist and a literary theorist] // Barthes R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika. M., 1989 (in Russian).
15. Kosikov G.K. Tekst/Intertekst/Intertekstologiya [Text/intertext /intertekstology] // Piégut-Gro H. Vvedeniye v teoriyu intertekstualnosti [Introduction to the theory of intertextuality]. Moscow, 2008 (in Russian).
16. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, word, dialogue and novel] // Bakhtin: pro et contra. Lichnost M.M.Bakhtina v otsenke russkoy i mirovoy gumanitarnoy mysli [Bakhtin: pro et contra. Personality and creativity of M.M.Bakhtin assessed in Russian and international humanitarian works. V. I. Saint-Petersburg, 2001 (in Russian).
17. Lavlinskiy S.P. Chitatel u Bahtina [Bakhtin reader] // Philologichesky zhurnal. 2005. № 1 (in Russian).
18. Piégut-Gro H. Vvedeniye v teoriyu intertekstualnosti [Introduction to the theory of intertextuality]. Moscow, 2008 (in Russian).
19. Fateeva N.A. Intertekstual'nost' i ee funkcii v hudozhestvennom diskurse [Intertextuality and its functions in a literary discourse] // Izvestiya AN. Seriya literatury i jazyka. 1997. T. 56. № 5 (in Russian).
20. Fukson L.Y. Chteniye [Reading]: Textbook. Kemerovo, 2006 (in Russian).
21. Jauss G.-R. K probleme dialogicheskogo ponimaniya [On the problem of dialogical understanding] // Bakhtinsky sbornik. Vol. 3. Moscow, 1997 (in Russian).

M.A. Lagoda
Kemerovo, Russia

INTERTEXTUALITY AS ASPECT IN THE INTERPRETATION OF LITERARY WORKS: THE PROBLEM STATEMENT

Abstract. The subject of research in this paper is intertextuality in literature texts as one of the aspects of the reading event. The purpose of this article is to outline the methodological guidelines to adequately raise the question of the role of "intertextual" relationships in the act of interpretation. The attempt is made to provide typology of existing approaches to the above problem. Methodological "poles" are found in the very origin of the term "intertextuality", proposed by J.Kristeva in 1967, a term that sprang from her interpretation of M.M.Bakhtin's ideas on dialogue. Therefore, considerable attention is paid to the relationship between the concepts of "intertextuality" and "dialogue", to the clarification the meaning of one concept replacement with another in the work of J.Kristeva. An attempt is made to interpret these concepts in the contexts of the works of these researchers, in the writings of R.Barthes, as well as in the works of some of the commentators. A comparative analysis of the concepts of "foreign" words in M.M.Bakhtin and J.Kristeva has been conducted. The comparison show that the concept of "intertextuality" is a "translation" of the concept of "dialogue" to a "language" of fundamentally different methodology.

The reference to the "historical episode" of the emergence of the concept "intertextuality" allows us to identify the existing range of diverging interpretations of the understanding of the phenomenon of "intertextual" relationships.

One of the limits of understanding is related to the linguistic nature of the literary text and involves the practice of “open” reading, emphasis on the text’s external relations and the “deciphering” of quotes. Another limit deals with dialogical, personal nature of a literary work and emphasizes the value-semantic integrity of a “polyphonic” literary expression. This allows one to raise a question of intertextuality as an aspect of understanding the unique artistic whole, influenced by life and cultural context.

Key words: intertextuality, interpretation, dialogue, reading event, M.M.Bakhtin, J.Kristeva, R.Barthes.

About the author: Maria Alexandrovna Lagoda, Assistant Lecturer at the Department of Literary Theory and Foreign Literatures.

Place of employment: Kemerovo State University

УДК 82.091

Л.А.Лысенко
Нижевартовск, Россия

ПОЭМА В ПРОЗЕ «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И.ШМЕЛЕВА КАК ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Аннотация. Иван Сергеевич Шмелев — глубоко религиозный, поистине православный писатель. Существует три главных истока религиозности Шмелева: во-первых, патриархальный уклад жизни в его семье, воспитание в детстве в духе православных традиций; во-вторых, брак с религиозной женщиной и, конечно, его православное отношение к бесчинствам революционного времени и гибели единственного сына Сергея. Объектом литературоведческого анализа в данной статье является поэма в прозе И.С.Шмелева «Лето Господне», предметом — отражение в ней круга русских православных праздников и связанных с ними традиций.

Цель предпринятого в статье анализа — доказать, что данное произведение Шмелева можно истолковать и практически использовать как энциклопедию православных праздников. Это произведение, являясь квинтэссенцией творчества И.С.Шмелева, основано на детском опыте писателя, выросшего в условиях патриархальной России. Свой детский опыт автор использует для того, чтобы показать всю красоту православия, его ценность как для конкретной семьи, так и для общества в целом. Главы «Лета Господня»: «Праздники», «Радости», «Скорби» — организованы круговоротом года и церковным календарем. В картинах своего детства Шмелев рассказывает, как этот календарь определял всю жизнь семьи, которая представала в трех, но единых аспектах: дом, церковь, Москва. На первый взгляд, главы «Праздники» и «Радости» повторяют друг друга. В них есть и «Рождество», и Великий пост. Но «Радости» куда более «личные», автобиографические. Если в первой главе рассказывается о праздниках «всенародных», то во второй — о событиях семейных. Гораздо больше говорится здесь о внутреннем мире мальчика: о его размышлениях, чувствах, переживаниях, взаимоотношениях с домашними и, прежде всего, с отцом, который становится главным героем романа. Неслучайно две части «Именин» посвящены отцовскому празднику, а вся последняя глава — «Скорби» — его болезни, кончине, похоронам.

С помощью биографического, культурно-исторического, герменевтического методов и элементов системно-целостного анализа художественного произведения в статье утверждается, что поэму Шмелева, в которой в мельчайших подробностях описан круг церковных праздников, возможно использовать как энциклопедию православных праздников, в том числе и в практике школьного преподавания предмета «Основы православной культуры».

Ключевые слова: православие; праздники; детство; колорит патриархальной Руси.

Сведения об авторе: Лысенко Лидия Анатольевна, аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций НВГУ.

Место работы: Муниципальное бюджетное учреждение «Телевидение Нижевартовского района».

Контактная информация: e-mail: lla-08@mail.ru

«Шмелев есть прежде всего русский поэт — по строению своего художественного акта, своего созерцания, своего творчества», — так пи-

сал один из первых исследователей творчества И.Шмелева, его друг Иван Ильин. «В то же время он — певец России, изобразитель русского,